

Живы будем — как-нибудь проживём

Эйнар Эспеланд

Если в первое время Эйнара чуть более чем полностью устраивает то, что он живёт без соседа и не надо никому долго и упорно объяснять, почему норвежец поворачивается как башня от танка, только целиком и сразу, — то теперь, когда зрение, кажется, уже висит на волоске, одиночество пугает. Должен же в комнате быть хоть кто-то, кому можно будет в случае катастрофы громко сказать: "я ослеп". Поэтому Эспеланд отчаянно радуется, когда однажды ему объявляют, что отныне он больше не будет проживать один, а к нему поделят другого парня. Это вовремя — ох, чёрт побери, как же это вовремя.

Правда, всё равно нельзя сказать, что норвежец ждёт своего грядущего соседа с распахнутыми любящими объятиями. Объятия распахивать пока рано, нужно сперва понять, кто Эспеланду грозит в качестве соседа и настолько ли это приятный человек, чтобы сразу же начинать настолько усердно его любить. Эйнар, во всяком случае, надеется на положительный ответ — ему очень хочется, чтобы на соседа по комнате можно было положиться, а в случае беды, так и вовсе доверить ему свою слепоту. Хотя это, конечно, не тот ценный подарок, о котором может мечтать молодой человек лет восемнадцати-двадцати. Эйнар прекрасно понимает, что в любой момент может из славного соседа по комнате превратиться в лютую обузу. И потому отчаянно мечтает о поддержке.

Стефано Грассини

Стефано очень легко сняться с места и ломануться в другое - он, по сути, и предыдущее толком обжить не успел. Юноша только понял, что жить в комнате, не испытывая неудобств и не умирая от них, очень даже можно. Но вот почувствовать это на практике не успел. Потому как мастера справедливо решили - нечего забивать жилой корпус учениками, болтающимися по одному, когда их прекрасным образом можно более компактно сгруппировать по двое. В связи с этим - Стефано велели сниматься с не насиженного ещё места и перебираться в другую комнату. А юноша, не успевший ни к этой комнате привязаться, ни даже рюкзак толком распаковать, и возражений никаких не имел. Послушно снялся с места и стал переезжать.

Первое, на что наткнулся Стефано, открыв дверь в свою новую комнату - странно напряженный взгляд обнаружившегося в комнате молодого человека, устремленный в дверной проем не хуже прожигающего насквозь лазера. Эта странность попросту вызывающе лезла на передний план - но не настолько мешала жить, чтобы начинать немедленно о ней расспрашивать. Приветственно кивнув молодому человеку, Стефано с затаенной надеждой бросил беглый взгляд на потолок, мечтая увидеть что-нибудь отличное от того, что было в его прежней комнате. Но вполне ожидаемо ничего такого не увидел. Воспарить вверх здесь по-прежнему было негде. С легким разочарованием юноша заметил: - Да, потолки у вас тут низкие. Не разлетишься никуда, - и незамедлительно представился: - Стефано. Мне сказали, мы соседями будем.

Эйнар Эспеланд

Когда Эйнар слышит, как открывается дверь — он вот уже второй день тренируется ориентироваться по звуку, и пока рано говорить об успехах, но делать это определённо можно, — то тут же вскидывает голову и ловит дверной проём в своё пятно зрения так рьяно, будто от этого что-то зависит. Будто если посмотреть достаточно внимательно и страстно, то это что-то изменит и сосед окажется как раз такой, какой надо. Который сможет быстро превратиться в надёжного друга.

Пока же Эйнар жадно смотрит — и не понимает, повезло ему с соседом или нет. Можно жить или самое время рисовать поперёк себя крест.

На первый взгляд, доставшийся Эйнару сосед — парень как парень. Долговязый, смуглый, темноволосый, ничего, в целом, особенно примечательного. Ни деревянной ноги, ни повязки на глазу, ни стального крюка вместо руки. Всё в пределах нормы. Едва успев додумать до слова "норма", Эйнар замечает быстрое движение головой вверх — и сам тоже автоматически смотрит вверх, пытаясь понять даже не что там такого можно увидеть, а чем там вообще можно заинтересоваться.

"Потолки низкие".

Что.

— Как у всех. А ты куда-то собирался полететь? При чём здесь потолок? — напряжённо спрашивает Эспеланд, понимая, что он не чувствует логики, связывающей эти слова, следовательно, он в упор не понимает, о чём Стефано говорит, а это вообще-то плохой признак. Всё так же напряжённо норвежец представляется в ответ: — Эйнар. Да, соседи. Располагайся. Так что у тебя там с потолком?

Стефано Грассини

Стефано запоздало сообразил, что иногда полезно думать о том, как он будет выглядеть со стороны. Это он, конечно, удачно выдумал - ещё толком в комнату не зашел, а уже на потолок пялится как на откровение свыше. Роскошно выглядел, должно быть.

То есть, это всё так, за исключением одного маленького "но": Стефано на потолок, по сути, не пялился. Так только, коротко прикинул высоту, даже не слишком-то выворачиваясь головой вверх. И юноше показалось даже, что Эйнар скорее почувствовал это движение, чем заметил, когда стал его повторять, тяжело и медленно поворачивая к потолку всю голову.

Хотя в любом случае, говорить о потолках после этого не следовало.

- Располагаюсь, - жизнерадостно согласился Стефано. Прошёл к циновке, бросил на неё рюкзак, но не стал спешить его распаковывать. Юноша и так примерно знал, что на то, чтобы полностью вытащить все вещи из рюкзака и определить им место в комнате, у него уйдет где-то неделя, как ни форсируй события. Следом за рюкзаком Стефано опустил на циновку сам. И дружелюбно сказал: - Ты не волнуйся, много места я не займу. Хотя, если ты хочешь, мы можем провести по полу государственную границу. Я как-то жил в одной комнате с парнем, который так делал. Всё, что пересекает границу, считается навек потерянным, даже если это твой последний ботинок. Хотя, по-моему, тот парень это делал больше потому, что хотел несколько чужих вещей подрезать, а не потому, что за свое личное пространство переживал, - усомнился Стефано. И пообещал: - А насчёт потолка - ты не волнуйся. Я адекватно. Тому, что я с порога этим поинтересовался, есть

вменяемое логическое объяснение. И я готов его в любой момент тебе предоставить. Хоть сейчас. Если тебе, конечно, интересно.

Эйнар Эспеланд

За своим новым соседом и его перемещениями по комнате Эйнар опять же следит, поворачиваясь всей головой, всей шеей, чтобы Стефано постоянно находился в его узком поле зрения. Впечатления у Эспеланда пока двойственные.

В каком-то смысле везение работает, выбивая несколько нужных, ключевых характеристик — сосед у Эйнара однозначно будет не злобный, не нелюдิมый, а вообще даже наоборот, открытый, улыбчивый и дружелюбный. Но при всём при том, при таком хорошем, казалось бы, раскладе, есть в Стефано странности, которые сейчас напрягают и даже отчасти пугают. Из-за которых Эйнар пока не готов этому парню доверять.

Хотя доверять с первых минут, если речь идёт не о персонажах кинофильма, вообще должно быть сложно, это вполне нормальное такое жизненное явление.

— Ты знаешь, мне очень интересно, — строго говорит Эйнар, которого весь этот дурацкий разговор, почему-то немислимым винтом закрутившийся вокруг потолка, волнует, беспокоит и даже отчасти уже бесит. — Мне очень интересно, какое "вменяемое логическое объяснение" здесь существует. И, если ты не возражаешь, я хотел бы услышать его вот прямо сейчас. Пока я не напридумывал про тебя чёрт знает что и не решил, что дешевле и проще будет от тебя как от соседа отказаться. Поверь, я уже начал придумывать. Так что ты лучше не тани с рассказом.

Стефано Грассини

Рассказ о государственной границе - который, по мысли Стефано, должен был как-то разрядить напряжённую обстановку, потому что Эйнар смотрел на него чуть ли не волком и разрядить обстановку явно требовалось, - прошёл совершенно незамеченным. Ушёл в пустоту и не вернулся. Ладно, понял - Эйнар на отвлечённые темы болтать не желает, и нечего пытаться его этим отвлечь. Получится зря потратить время, силы и слова, да и только.

- Хорошо. Рассказываю, - легко согласился Стефано. Раз человеку так интересно, что надо вот прямо сейчас, то зачем ему в этом отказывать. - Так сложилась жизнь, что по жизни я по профессии - воздушный гимнаст. И мне в идеале бы надо каждый день тренироваться, чтобы сноровку не терять и ничего не забывать. Поэтому я хожу по монастырю и почти непрерывно прикидываю, где бы мне здесь поместиться, чтобы у меня могли получаться тренировки. Сначала я надеялся, я смогу прямо в комнате повесить полотно. Но тут, как я уже сказал и как ты сам видишь, - низкий потолок. Не разлетишься никуда. Большая часть элементов у меня вряд ли здесь получится. Вот и все мое логическое объяснение. Не надо, пожалуйста, придумывать про меня сатанинские ужасы, - кротко попросил Стефано. И с неожиданной зоркостью для человека, который во время разговора смотрит куда попало, только не пристально на собеседника, спросил: - С тобой все хорошо? Мне кажется, ты нездоров.

В первую очередь - у Эйнара были нездоровые движения шеей и головой. Стефано пока не мог понять, что именно в этом "нездорового", зато точно знал, что люди так обычно не делают.

Эйнар Эспеланд

Всё разрешается куда проще, чем ожидает Эйнар. Хоть объяснение и из разряда тех, о которых не подумаешь ни с первого, ни со второго раза, и вообще на первый взгляд оно выглядит как-то чересчур закрученным — если в него как следует вдуматься, оно ведь действительно простое. И нисколько не усложняется тем, что такие развёртки сюжета ты встречаешь далеко не каждый день.

Воздушный гимнаст, ну надо же.

— Больше не придумываю, — обещает Эйнар, позволяя себе почувствовать облегчение. Всё, проблема решена, проблемы нет. Воздушный гимнаст — это уже не странность, это что-то, что можно попытаться если не понять, то хотя бы принять. Эспеланд хочет и принять, и понять настолько, что сам невольно включается в процесс поиска подходящей высоты. Запрокидывает голову, тоже оценивает расстояние до потолка, потом мягко напоминает: — Ты сказал — "большая часть элементов". Значит, есть и какая-то меньшая часть, которая в комнате будет получаться? Может, начать на первое время хотя бы с неё? Чтобы... не терять сноровку? — Эйнар не уверен, что Стефано имеет в виду именно это, когда произносит эти слова, но искренне хочет помочь.

Наблюдательность и зоркость Стефано, хоть и оказываются для Эйнара, которому сосед сперва кажется расслабленным и не слишком внимательным, неожиданными, однако заметно всё упрощает. Вместо того, чтобы напрячься, Эйнар, наоборот, кивает с некоторым облегчением. И подтверждает: — Да. Скажем так, я нездоров. Как заметил?

Стефано Грассини

О том, что можно тренироваться хотя бы по чуть-чуть, хотя бы на каких-то базовых и простецких элементах, Стефано тоже подумывал. Эта идея ему казалась и сомнительной, и не слишком полезной, и еще и трудноосуществимой. Юноша честно так и сказал: - Не думаю, что от таких тренировок будет очень много пользы. Все равно что воду в океан по капле пипеткой носить. Хотя попробовать, конечно же, можно, ты прав. Я надеюсь, мастера на нас не сильно рассердятся, если мы будем пробовать и слегка разнесем комнату? Ну там, потолок и не только? Ты же видишь, тут в комнате и в горизонтальной плоскости особенно не размахнешься. Но попробовать - да, можно.

Второй вопрос оказался заметно сложнее, над ним Стефано размышлял немного дольше. В самом деле - как тактичнее рассказать нездоровому человеку, что именно выдало в нем нездорового человека? Или в таких вещах тактичности уже не существует в принципе, как ни повернись - все будешь неуклюжим слоном, поэтому можно особенно сильно об этом не беспокоиться? Стефано все же беспокоился и потому постарался как можно аккуратнее объяснить: - Шею странно поворачиваешь. Ну, как будто... не знаю, как будто смотришь всей головой сразу, что ли. И при этом как будто боишься шею сломать, - последняя особенность была Стефано хорошо знакома. Он и сам одно время так двигал плечом, почти сразу после травмы. Как будто ветер может дунуть и все равно сломать только-только поджившую кость, поэтому лучше лишний раз не рыпаться. Вместе с тем - пытаться с только-только зажившим плечом влезть обратно на полотно Стефано это не мешало. Как будто эти решения два разных головных мозга принимали. Один - параноик, другой - дурак.

Эйнар Эспеланд

— Ну так давай хотя бы попробуем, — предлагает Эйнар. Ему эта затея кажется любопытной. Даже если Стефано его к таким тренировкам и близко не подпустит — всё равно, посмотреть хотя бы издали и только тем, что осталось от глаз, тоже будет любопытно.

Тем более, может это вовсе и не пипеткой в океан. Может, Стефано преувеличивает.

— Я думаю, если мы всё за собой починим, то нас как минимум не обезглавят, — говорит Эйнар. И ещё раз смотрит на потолок: — А ты что-то хочешь туда вешать? Что? И как думаешь, выдержит потолок твой вес? Хотя ты вроде не очень тяжёлый, — сомневается Эспеланд. Стефано вообще кажется ему очень сухим, а значит, лёгким быть просто обязан, если только вдруг не выяснится, что у него очень тяжёлая кость.

Вторая часть разговора явно тяжелее и неприятнее для обоих. Эйнар медленно и последовательно объясняет: — Шея — это потому что у меня разбит позвонок. Там стоит искусственный сейчас. И я, естественно, за него переживаю. За его сохранность. А смотрю — как ты сказал, "всей головой"? — потому что я плохо вижу. Для более чёткой и наглядной демонстрации Эспеланд раскидывает руки в стороны, а потом начинает сводить друг к другу ладони, пока они не появляются в поле его зрения. После чего, держа ладони разведёнными, объясняет: — Вот так вижу. В стороны — уже нет. Прежде, чем ты спросишь: да, у целителей я уже был. Пока всё вот так. Чем кончится, не знаю. И давай закончим об этом говорить. Не хочу.

Стефано Грассини

У Стефано, на самом деле, к Эйнару немедленно назрела целая сотня вопросов. Но все они немедленно разбились о короткое, внушительное "не хочу". Что уж тут, Эйнар имел полное право не хотеть обсуждать себя, свои травмы, свои проблемы и все остальное. По-хорошему, он вообще имел право об этом не разговаривать, а сразу посылать с такими вопросами далеко и надолго. Это очень доверительный жест с его стороны - и Стефано, стараясь это доверие не обманывать, пообещал: - Хорошо. Говорить больше об этом не будем. Но ты обращайся, если я могу чем-нибудь помочь, да?

Болтать о том, как они вдвоем могут сломать или не сломать комнату, было значительно легче и живее. Настолько легче, что этот разговор, начавшийся как чисто теоретический, неожиданно начал обретать вполне себе прикладной смысл.

- Вроде не тяжёлый, - с подозрением сказал Стефано, ткнув себя пальцем в худую руку. Потом с подозрением посмотрел на потолок, понял, что его твердость с пола не оценить, вскочил, шагнул одной ногой на подоконник, второй ногой - перешагнул на комод и с рекордной почти скоростью оказался на высоте, уже позволяющей щупать потолок руками.

- Ну, хотя бы так не трещит, - отметил Стефано, что есть сил упираясь в потолок ладонью. И пояснил: - Я хотел бы здесь повесить полотно. Две такие длинные тряпки, чтобы параллельно друг другу висели. Полотно будет висеть на потолке, а на полотне буду висеть я. Как думаешь, при таком раскладе все выживут?

Эйнар Эспеланд

— Спасибо. Теперь так и рассчитываю, — говорит Эйнар, тем самым окончательно закрывая тяжёлый и неприятный для него разговор. Про то, как они планируют обвалить потолок — здесь Стефано совершенно прав — болтать куда легче и приятнее. Даже несмотря на то, что эта болтовня из ни к чему не обязывающей неуклонно превращается в очень ко многому обязывающую.

Эйнар уже знает, что в монастыре существуют люди, которых называют "воздушниками". Не только потому, что они владеют стихией воздуха, но и потому, что они невообразимо лёгкие на подъём. Если эта логика работает в обратном порядке, то Стефано непременно стоит взяться за магию Воздуха. Он именно такой — невообразимо лёгкий на подъём.

В первый миг Эйнар теряет своего собеседника из виду — только что был тут, щупал свои руки, и вдруг превращается в размытый росчерк и исчезает. Эспеланд недоумённо поводит головой, обнаруживает Стефано уже стоящим на комод и е может сдержать улыбки. Вот так скорость.

— Ты не мог бы двигаться... не так стремительно? Я тебя теряю, — с улыбкой просит Эйнар. Следом за этим приходит мысль о том, что, наверное, Стефано с такой-то бойкостью и по деревьям вскарабкаться будет сущим пустяком. В этом месте норвежца осеняет, и Эспеланд вдохновенно говорит: — Слушай, у нас в диком парке есть дерево — огромный такой дуб. Может быть, там можно будет повесить полотно на приличной высоте? Как думаешь, такое вообще в теории возможно?

Стефано Грассини

- Понял. Прости. Теряться больше не буду, - немедленно извинился Стефано, который как-то совершенно не подумал о том, что его резвость может быть Эйнару так неприятна на физическом даже уровне. Оказывается, очень даже может. Интересно, это было для Эйнара больше похоже на размазавшегося в молнию спидстера или вообще - на мгновенную телепортацию? Задать этот вопрос жутко чесался язык, но Стефано решил, что это будет бестактно. Лучше уж поговорить про потолки, деревья и полотно.

Черт, почему-то сегодня это звучит как проклятие - "лучше поговорить про потолок". Стараясь не делать таких стремительных движений, озадачивших Эйнара в прошлый раз, Стефано перестал трогать потолок и сел на комод, свесив длинные ноги. На всякий случай запрокинул голову и еще раз посмотрел наверх, убеждаясь, что на потолке не осталось следа пятерни. А потом довольно легкомысленно сказал: - Слушай, ну так издалека я тебе не скажу. Может, и подойдет, я не знаю. Дерево - это надо на месте смотреть, а я даже не знаю, где оно у вас тут находится. Высокое? Проводишь меня как-нибудь?

Эйнар Эспеланд

Стефано опять начинает бойко и живо двигаться, и Эйнару это опять кажется очень быстрым — хотя и очевидно, что это медленнее, чем в прошлый раз. Что принудить Стефано двигаться ещё медленнее, кажется, уже нельзя. А его способность взбираться на высоту, мгновенно оказываясь под потолком, просто поражает.

— Как-нибудь покажу, — обещает Эйнар, глотая вертящееся на языке угрюмое "если глаза доживут". В этом месте Эспеланд совершенно согласен со своим соседом: торопиться и оценивать не глядя тут бессмысленно, надо идти, лично смотреть и даже, возможно, уже сразу на месте пытаться что-то изобразить, чтобы

окончательно понять, подходит или не подходит.

— Дерево — да, довольно высокое. Оно выглядит так, как будто ему лет триста. Хотя на самом деле его магией вырастили, наверное, всего пару месяцев назад. Ну уж точно ему меньше года, — охотно разъясняет Эйнар. Потом ему на глаза попадает рюкзак Стефано, до сих пор застёгнутый на молнию до самого конца и почти что сиротливо лежащий на циновке. Не привыкший к такому обращению с вещами, Эспеланд хмурится и прямо спрашивает: — Слушай, ты не хочешь рюкзак разобрать? Вещи распаковать? Что они у тебя лежат, как будто ты вот-вот снова их схватишь и дальше побежишь?

Стефано Грассини

- Высокое - это хорошо, - кивнул Стефано. Рассказ Эйнара определенно внушал надежду - на то, что с тренировками все-таки получится как-нибудь провернуться, и не придется просто ходить по монастырю несчастной тенью и страдать от невозможности нормально тренироваться.

Как же замечательно, когда получается вовремя поговорить на правильную тему с человеком, знающим, где в монастыре что находится. Сам бы юноша фиг в ближайшее время это дерево нашел. Очень может быть, что и не нашёл бы вовсе.

- Неа, рюкзак распаковать не хочу, - покачал головой Стефано, продолжая сидеть на комодке и даже начиная потихоньку легкомысленно болтать ногами. Объяснить, что вещи будут выползать из рюкзака долго, мучительно и очень по чуть-чуть, было не так чтобы очень просто, но Стефано всё же попытался: - Я вижу, что тебя подбешивает - но, очень тебя прошу, смирись. Этот рюкзак ещё с неделю будет мозолить тебе глаза. А я буду очень постепенно доставать из него нужные вещи. Я, видишь ли, в душе убежденный бардачник. И стараюсь, конечно, с бардаком бороться, но проигрываю ему чаще, чем хотелось бы. Собственно, я потому и предлагал тебе нарисовать государственную границу. Ты всё еще уверен, что она тебе не нужна? - напомнил Стефано. Вот наверняка же будет нужна. Лучше уж тогда рисовать её сразу

Эйнар Эспеланд

Услышав от Стефано такой внезапный ответ, Эйнар хмурится ещё сильнее. Ему это всё откровенно непонятно. Зачем бросать уложенный рюкзак на неделю, когда его можно полностью разобрать за три минуты? Ну хорошо — может быть, за пять. Всё меньше, чем неделя.

Это даже не склонность к бардаку, это уже какая-то склонность к глупости.

— Меня подбешивает, и я не готов смириться, — твёрдо произносит Эйнар. И требует: — Да, государственная граница нам нужна. Чем скорее мы её нарисуем, тем лучше. И учти: все твои вещи, которые пересекут границу, я буду отправлять обратно тебе в голову. Ты не смотри, что я почти слепой, кидаю я метко. Так что, надеюсь, вещи у тебя не круглые и не катаются сами по себе. Иначе я тебя просто-напросто расстреляю насмерть всего за неделю.

Может быть, звучит и жестковато, зато это должно лежать близко к эффективному способу перевоспитания одного конкретно взятого бардачника. И Эспеланд почти уверен, что Стефано такие правила игры не обидят, а только наоборот, раззадорят, а значит, отказываться от них он не будет.

После этого остаётся только открытым вопрос, чем и как они будут чертить "государственную границу". Эйнар рассчитывает на то, что в столовой после ужина они смогут взять из очага уголёк и воспользоваться им для проведения границы. Этим планом норвежец немедленно делится со Стефано — ну, а после того, как все условия обкашляны, уже остаётся только ужина и дожждаться.

Стефано Грассини

- Ого, как ты круто берешься, - удивился Стефано, соскакивая с комода. Юноше никогда не казалось, что стоит развязывать целую войну из-за вещей и того, где они лежат, - а теперь вот Эйнар именно что войну и предлагал. С атаками на врага и всем таким прочим.

- Ладно. Принимаю бой! - азартно произнес Стефано, отмахиваясь от трусоватой мысли о том, что тогда уж проще вообще рюкзак не распаковывать, хоть целый год, чтобы голова целее была. - Тогда, я надеюсь, ты не будешь против, если я буду примерно то же самок делать с твоими заблудшими вещами? По-моему, это будет честно, - хотя, судя по уверенному тону Эйнара, заблудшие вещи у него будут образовываться нечасто. - Обещаю по уязвимым местам тебя не бить, в голову и шею не целиться. И да, давай сразу договоримся, что мы выше того, чтобы подкидывать друг другу чужие вещи, просто ради удовольствия друг друга перестрелять. Идет? Ну вот и отлично. Тогда живём до ближайшей перестрелки.

Предложение Эйнара стянуть из столовой кусочек угля, чтобы провести линию границы, Стефано одобрил. И даже чуть дополнил: а если с этим замыслом не сложится, так можно будет попросить кого-нибудь из владеющих магией Огня специально для них запечь кусок дерева в уголь. Например, у Дина или Ирины точно не возникнет проблем с тем, чтобы сжечь какую-нибудь не очень большую деревяшку.

Ну, а после этого всестороннего обсуждения действительно остается только дожждаться начала великой войны. Хаоса с Порядком, или Порядка с Порядком - да как пожелаете, смысл примерно один.
